

Шекспиру, признание его могущества объединяют величайшие умы человечества с миллионами зрителей и читателей, потрясенных правдой созданных им характеров, энергией его страсти, глубиной его мысли.

«Неистощимый родник уроков» — так называл Шекспира Виссарион Белинский, как бы подводя итоги влияния гениального англичанина на духовную жизнь человечества почти за три века. Прошло с тех пор еще столетие, а родник Шекспира не только продолжает быть таким же животворным, как раньше, но и фонтанирует с такой же силой. Впрочем, это неверно — даже с большей силой! Произведения Шекспира переведены на 28 языков народов СССР, тираж их изданий превысил пять миллионов экземпляров, только в апреле этого года шекспировские спектакли идут на сцене 100 театров Советского Союза.

Так проникает Шекспир в нашу жизнь, с такой поистине шекспировской мощью сближаются его творчество и народ, строящий коммунизм.

Давно известно, что классические произведения искусства, глубоко и точно выражая судьбу своего народа и дух своего века, в то же время свободно путешествуют по другим странам и эпохам и органично входят в их духовное бытие. Каждая новая эпоха по-своему вчитывается и в творения Шекспира. Советский шекспировский театр — это огромная и прекрасная глава в истории сценического прочтения наследия великого драматурга.

В прошлом содружество Шекспира с талантливыми актерами и режиссерами не раз создавало спектакли-события, спектакли, которые, как звезды, освещали человеческие поиски истины и красоты. Но значительно чаще Шекспира переделывали, кромсали, приспособляли к узости и ограниченности вкусов буржуазной публики. Трагедию Отелло пытались увидеть то в неравном браке, то в излишествах африканского темперамента. В гибели Ромео и Джульетты обвиняли то их собственную чрезмерную несдержанность, то всевластный и неумолимый рок. В Гамлете видели одно безволие, в Шейлоке — только алчность, в Фальстафе — чревоугодие.

Советский театр решительно освободил наследие Шекспира от многослойных пластов рутинной, высокопарной и слезливой штампов, трусливых причислений мужественной мысли под скучное морализирование.

Отрадно, что в этом огромном труде советского театрального искусства есть и наш, куйбышевский вклад. В последние годы на сцене драматического театра имени А. М. Горького прошли с большим успехом «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой», «Король Лир». Широкое признание у советской общественности получил спектакль «Ричард III». Куйбышевский театр вернул эту пьесу русскому зрителю после долгого периода ее замалчивания, и наш Ричард — артист Н. Н. Засухин очень современно истолковал этот образ.

Могло бы человечество прожить без Шекспира? На этот вопрос, скорее всего, следует ответить утвердительно. Но тогда оно было бы другим человечеством, беднее мыслью и скуднее сердцем. Оно бы не училось любви у Джульетты, ненависти к злу у Гамлета, вере в человека у Просперо. Оно бы не прозревало вместе с Лиром, не казнило бы свои слабости вместе с Отелло, не испытало бы отвращения к изощренному эгоизму Яго, не восторгалось бы верностью Дездемоны. Шекспир был творцом целого мира, и хотя это был микромир, населенный созданиями поэтической фантазии, в их судьбах с редкой полнотой отразились судьбы большого мира: итоги прошлого, смысл настоящего, предвидение будущего.

На фронте шекспировского «театра «Глобус» было написано: «Весь мир лицедействует». Значит ли это, что человеческая жизнь представлялась актерам «Глобуса» творчеством? Или извечной жадной творчества? А может быть, спектаклем? Стремлением казаться не тем, что ты есть, как говаривал Гамлет? Скорее всего и тем и другим. Сам Шекспир в одной из пьес выразил эту же мысль

НЕИСТОЩИМЫЙ РОДНИК

К 400-летию со дня рождения Вильяма Шекспира

иначе, еще проще: «Весь мир — это театр».

Своей художественной практикой Шекспир впервые в истории доказал и обратное: «Театр — это весь мир».

Время Шекспира было страшным, жестоким и кровавым. Людей жгли раскаленным железом, ломали на колесе, истязали бичами. Не проходило дня без убийств, освященных властью короля и показной добродетелью церкви или совершаемых по призыву феодальных баронов и бродячих разбойников. Профессия палача была такой же будничной, как профессия мясника, портного, могильщика. Недаром в пьесах Шекспира склянки с ядом и кинжалы упоминаются как самый обычный реквизит.

Правда, в ту пору еще не умели уничтожать одной бомбой десятки тысяч людей, не знали средств массового уничтожения, не разглагольствовали о готовности пожертвовать третью человечества. Современные Яго мыслят в иных масштабах, но Шекспир уже в те давние годы впервые заметил, что в мир пришли Яго, обнажил их чудовищную психологию, раскрыл огромные размеры их опасности, предупредил об этом человечество. И тогда же Шекспир решительно призвал к борьбе с лицедеями, которые прячут сердце тигра под обличьем пылкой честности и звонкой фразы.

В беспощадно жестокую пору, под стоны пытаемых и предсмертные крипы казнимых, Шекспир создал свой вдохновенный гимн человеку. Смело вступая в борьбу с религиозными догмами и господствующими нравами, он отстаивал ценность человека как самое прекрасное из всего, что есть на земле.

В своей частной жизни сам Шекспир знал не много радостных дней. Детство отняла школа, в которой зубрежка и муштра продолжались с раннего утра до позднего вечера. Впоследствии в одной из своих комедий он заметит: «Мальчик в школу ползет, как улитка», а в трагедии «Ромео и Джульетта» иронически и не без грусти напишет, что влюбленный юноша покидает свою возлюбленную с быстротой ученика, направляющегося в школу.

Разорение отца принудило будущего писателя очень рано начать самостоятельную жизнь. По преданию он был приказчиком в мясной лавке своего родного захолустного городка Стрэтфорда, а затем в поисках счастья отправился в столицу, в Лондон. Здесь он чуть ли не бродяжничал, даже сторожил лошадей у театрального подъезда, пока не начал службу в театре то ли суфлером, то ли кем-то еще из самых низших слушателей искусства.

Став известным драматургом, он тоже не узнал радости настоящей славы, большого общественного признания. Труд драматурга в ту пору ценился очень мало. Даже сам Шекспир не считал свои пьесы произведениями большой литературы и не мечтал об их издании. Может быть, именно Шекспиру драматургия и обязана тем, что ее признали самостоятельным разделом литературы.

Во всяком случае величие и значение искусства вот уже почти четыре века во многом опираются на мощь и славу Шекспира.

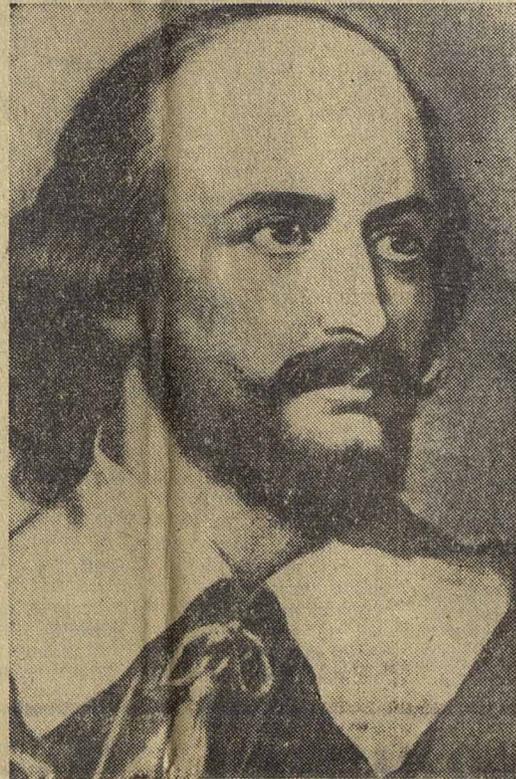
Датский принц Гамлет, выслушав взволнованный монолог актера о страданиях Гекубы, жены убитого Троянского царя Приама, изумленно вопрошал:

Что ему Гекуба?
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Художник может рыдать о Гекубе, как бы далека и чужда она ему ни была. Художник не способен жить в скорлупе собственного «Я», он не может замкнуться в узком ограниченном мирке личных интересов. Чужие жизни и чужие судьбы вызывают его восторг и его слезы отнюдь не меньше, а значительно, неизмер-

мо больше, чем собственная судьба. В этом подвиг искусства, в этом его гуманистический пафос, в этом его сила, потрясая Гамлета. Об этой силе Шекспир наверно знал больше, чем все его современники и предшественники.

В шекспировские времена власть меча и титула, рыцарского герба и древнего происхождения отступала перед властью золота. Многим эта перемена казалась благодетельной и плодотворной. Гениальность Шекспира сказалась в том, что его очень недолго тешил обман юношеских надежд. Рыцари накопления в его пьесах очень скоро обнаружили свой жестокий нрав, может быть, даже более жестокий, чем у тех рыцарей, которые поклонялись мечу и кулаку.

Всей силой своего искусства Шекспир отрицал и тех и других. Ему одинаково были ненавистны и безграничное себялюбие, и преступная алчность, долгие годы он неутомимо брался за перо, чтобы заклеймить холодную бесчеловечность и разоблачить блудливое лицемерие. Его пьесы — могучий призыв «поднять оружие против моря бедствий», встать на защиту человека и чело-

Вильям Шекспир — великий английский поэт и драматург.

(ТАСС).

вечества, рыдать над Гекубой или — как мы сказали бы сегодня — жить для других.

В одном из своих сонетов он так и писал:
Все мерзостно, что вижу я вокруг.
Но жаль тебя покинуть, милый друг.

Гуманизм Шекспира — одно из величайших и самых знаменательных выражений эпохи Возрождения, той самой эпохи, которая вызвала широко известную восторженную оценку Ф. Энгельса: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основанные современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно ограниченными».

Один из самых великих среди этих титанов, Вильям Шекспир не только не знал ограниченности, но с пророческой зоркостью увидел, какая бездна зла таится в этой ограничен-

ности и ее неизменных спутниках — эгоизме и безразличии. И не только увидел, но и ополчился против них. Искусство Возрождения отнюдь не было единым ни по миропониманию, ни по своему эмоциональному строю. Человеческая мысль в эту эпоху прошла огромный путь от удивленно-голубования простыми житейскими радостями у Джотто до мрачного отчаяния Тассо.

Шекспир был безгранично велик еще и потому, что за 20 лет своей активной творческой жизни он вместил в себя все Возрождение: и его оптимистическую уверенность, и горечь разочарования, и романтическую мечту. Но если история Возрождения завершилась мрачно-гипнотической, упадочной культурой барокко, то Шекспир, пройдя сквозь бездну трагических раздумий, сказал свое последнее слово чудесной сказкой о могучем волшебнике Просперо, который подчиняет природу и делает счастливыми людей.

В пьесе «Буря», ставшей завещанием Шекспира, зло разгромлено, а добро торжествует. Правда, это торжество ограничено пределами острова, управляемого чародеем Просперо. Шекспир как бы последовал за Томасом Мором, он создал драму-утопию, не видя реальных путей и возможностей к осуществлению своих идеалов. Но он упорно верил в их конечное торжество, верил даже в то страшное время, когда вокруг Шекспира усилилась дворянская реакция, стал еще невыносимее и политический, и церковный, и экономический гнет.

Революция пришла в Англию через 30 лет после смерти Шекспира. Услышал ли он ее будущие взрывы, поверил ли что она принесет освобождение страдающему народу? Это вряд ли возможно. Автор «Бури» не видел Просперо вокруг себя, да их и не оказалось среди пуритански ограниченных предводителей английской буржуазии.

Романтизм Шекспира вдохновился другим источником — его верой в человека, его убежденностью, что рано или поздно человек преодолевает все тяжкие испытания.

Шекспир верил в человека, ибо любил его. Он был убежден в нераздельности веры и любви. Если нарушается их гармония, катастрофа неизбежна: руки Отелло тянутся к горлу Дездемоны.

Вера Шекспира была отнюдь не слепой, не безрассудной. Автор «Гамлета» и «Лира» был величайшим знатоком души человеческой, он умел видеть и воспроизводить ее как в безмерности красоты, так и в чудовищном унижении безобразия.

Он называл искусство зеркалом, но был убежден, что это зеркало способно не только отражать. Гамлет устраивает спектакль, надеясь заставить короля Клавдия раскаяться и признаться в преступлениях. В этом поступке Гамлета проскальзывает уверенность его творца в том, что театр призван уничтожить зло и сражаться за воцарение добра, справедливости и счастья.

Призыв к социальной активности и в искусстве и в жизни, к готовности жить ради друга и просто ради другого, наверно, один из самых прочных мостов, которые перебрисовал Шекспир из своего средневекового далека в наши дни. Творения Шекспира и сегодня сражаются за Человека, за истину, за красоту, за искусство. В этом подвиге, которому никогда не суждено завершиться, счастье, величие и бессмертие поэта.

Л. ФИНК.

23 АПР 1954

БОЛШОЙ КОММУНАР г. Куйбышев